

Виталий Сыроватко:

На излете Советской власти

СПРАВКА: Виталий Григорьевич Сыроватко — председатель Брянского облисполкома (1989–1991 годы), до этого — инструктор ЦК КПСС, первый секретарь Краснодарского крайкома ВЛКСМ. В настоящее время — на пенсии, живет в Москве.

– После Чернобыльской аварии с группой работников ЦК меня послали в длительную командировку для решения на месте вопросов по преодолению последствий катастрофы. В то время про «мирный атом» все мы мало что знали. В частности, я тогда, как позже выяснилось, схватил большую дозу радиации. И вот эта поездка, спустя несколько лет, стала поводом для назначения на работу в Брянск.

По направлению ЦК

Председатель облисполкома Поручиков готовился уходить на пенсию. В ЦК принялись искать ему замену. Мне и предложили. Случилось это в 1989 году. В Брянске я вначале поработал в обкоме партии секретарем по оргработе, стал депутатом областного совета, ну и после этого получил формальное право быть назначенным на должность председателя исполкома областного Совета народных депутатов.

К слову сказать, я знал о письме брянских ветеранов партии, ранее отправленном в ЦК. Во второй половине восьмидесятых, в горбачевскую перестройку, стало возможным появление и таких писем. Авторы письма жаловались на проявляемое недоверие к местным кадрам со стороны ЦК при назначении руководителей на первые должности. Так, и Крахмалев, проработавший в области многие годы, и Домна Комарова, и Попов, и Сизенко — все были назначенцами из других регионов. Как понимаю, ЦК согласился с упреком ровно наполовину. Первым секретарем обкома партии был избран Войстроченко Анатолий Фомич, свой, брянский, до этого недолго он работал первым секретарем брянского горкома, а на советскую работу прислали человека из Москвы — меня.

Сегодня принято хулить почти всё, что делалось тогда в СССР. Но если взять хотя бы кадровую работу, считаю, что тогда она была поставлена лучше, чем сейчас. Будущие крупные руководители проходили всю цепочку управления, и к моменту решающего назначения обычно были готовы к новой роли. Я, к примеру, в Краснодарском крае дошел до должности первого секретаря крайкома комсомола, побывал на партийной работе, потом меня взяли в ЦК в аграрный отдел. Я много чего увидел, с многими из руководителей познакомился. И считаю это большим плюсом для дела.

Я и прежде был знаком с Анатолием Фомичом Войстроченко, у нас установились хорошие рабочие отношения. И человек он был в высшей степени достойный, трудолюбивый, внимательный к людям. Но была одна черта, которая, я убежден, делу мешала. Он не прошел обкатку делом в другом регионе или в ЦК, «варился» только в одной области. Его простор была область. Это он, кстати, придумал Праздник брянской гармошки. А вот московских кабинетов, как я видел, побаивался. Ездил в Москву по делам с неохотой, а ведь только там все и решалось. Помню, ему надают толстую папку писем с важными просьбами в министерства, а он съездит, но письма так и не отдаст, привезет обратно...

К слову, за год до этого в ЦК мне предлагали вернуться в Краснодарский край на высокую должность, но я не согласился. Подумал, что прежний груз отношений, знакомств, связей будет делу мешать. Не поехал.

Первые впечатления

В первую же командировку по области я осознанно отправился один, без сопровождающих. Поездил по колхозам, посмотрел, как люди живут. И, конечно, многое на Брянщине меня удивило. Не говорю даже про ужасные дороги, потом, на что денег хватило, мы подправили. Удивил, в первую очередь, крестьянский быт. Стоял конец восьмидесятых, а домишки в деревнях почти все были черные, серые, иные под соломенными крышами, что у нас, на юге, представить было просто невозможно. Нет палисадничков, нет цветов у домов, бабушки в черных фуфайках, в домах скудная утварь, и главное — обратил внимание, что во многих деревнях хаты ставят не на красной линии, как везде заведено, а в глубине двора, на задах. Спросил водителя, местного: почему так? А он ответил: так ведь люди осторожничают, прежде чем дверь открыть, из-за занавески наблюдают, оценивают, кто к ним идет и зачем — друг или враг? А мне подумалось, как крепко и как долго брянцев должна была жизнь испытывать, чтобы к такой осторожности приучить. Зато, если познакомишься, если тебя примут, — то все для тебя сделают, все, что есть, на стол выставят, — это тоже особенная брянская черта.

Ну, и еще что запомнил. Везет водитель по району, одну деревню проезжаем, и он сообщает: «Москва», другую — «Берлин». Я вначале и не понял, в чем дело, а он эдак для меня отмечал, какая деревня в войну была партизанской, а какая — полицейской (значит, большой полицейский стан там находился). И вот это все помнилось много лет спустя.

В Москву за деньгами

Приезшему человеку на новом месте всегда непросто, а в Брянске, где вообще годами мало что менялось, тем более. Но я к этому был готов, потому что никогда не торопился свое мнение высказывать прежде, чем другие мнения не выслушаю. Брянск мне понравился своей чистотой, даже эдакой уютностью. Помню, тогда с подачи Фомича в областном центре взялись повсеместно фонтаны ставить, бордюры белили еженедельно. Была такая наивная вера, что это будет не только способствовать украшению города, но и повышению культуры населения. Хотя последнее, конечно, — вопрос не такой простой. Так вот, фонтанами увлеченно занялись, а я выяснил, что в городе практически нет ливневой канализации. Помню, поехал в Госплан, к Масленникову, я его неплохо знал, выбивать деньги на ливневку. Так тот поразился, не поверил: «Не может быть, чтобы в полумиллионном городе не было ливневой канализации!» Хотя так и было. Так что одним из моих первых поступков — выбил деньги на ливневку, и ее начали делать. Кстати, тогда на должность городского головы заступил Вохрушенков Анатолий Егорович. И он мне понравился своей цепкостью, отношением к делу. Осторожный, говорил мало, а делал много, по крайней мере, все, что было в его силах.

Конец 80-х стал временем усугубляющегося дефицита. Мы во власти тогда сами многого не знали и не понимали. Помню, талоны ввели почти на все, даже на мыло. И каждая

область, как и наша, пыталась удержать у себя товары и продукты, потому что именно нам на местах приходилось держать ответ перед населением.

В очереди за водкой

Помню показательную историю про водку. 26 декабря 1990 года. С разных сторон дошли меня разговоры о водочном дефиците. Я решил сам посмотреть, что и как, отправился в гастроном на улице Фокина. Очередь огромная, мужики томятся, орут, один, по соседству со мной, особенно разошелся. Кричит: не остановлюсь, сам до власти дойду, до Сыроватко, все ему расскажу. Тут я и открываюсь, что я Сыроватко и есть. Разговор в очереди получился горячий, но я пообещал: сделаю все возможное, чтоб каждый, что ему положено по талонам, к празднику получил.

И оттуда, благо, что рядом, отправился на ликеро-водочный завод, к директору выяснять, в чем дело. И директор говорит, мол, водки мы произвели достаточно, но не можем развезти по точкам, потому что развозит водку торговля, а у нее не хватает ни машин, ни грузчиков. В общем, пришлось мне звонить генералу в корпус ПВО, который тогда стоял в Брянске, уговорил его дать нам машины и солдат. За три дня мы развезли водку. А далее директор ликерки заявил, что у него фонды на Брянск закончились, он должен поставлять водку в Москву и иного сделать не вправе.

Пришлось мне ругаться с Госпланом, брать решение на себя. Потом из ЦК звонили мне несколько раз, угрожая, что исключат меня из партии за самоуправство. Но я не уступил. Объяснял, что только водочного бунта в славном партизанском крае не хватало. И от меня отступились.

Диковинные вещи

В исполнительной власти работать было сложнее, чем в партийном аппарате, потому что за все непростые вопросы народного хозяйства отвечал именно облисполком. Во время работы в Брянске с 89 по 91 годы половину рабочего времени я провел в поездках в Москву. Выезжал в четыре утра, на подъезде к Москве завтракал прямо в машине и сразу отправлялся по министерствам и ведомствам, выбивал и согласовывал для области выделение фондов, которые в ту пору были дефицитнее денег. В решении этих дел мне помогал круг знакомств, завязанных еще во время работы в комсомоле и в ЦК. Как могли, мы заставляли брянские предприятия осваивать выпуск товаров народного потребления, — для области это был плюс, наличные деньги. К примеру, мебельщики в ту пору в области имели неплохие позиции. Но буквально от месяца к месяцу становилось работать все тяжелее. Линию Горбачева на местах не одобряли, он ведь, по сути, расшатывал основы партии. Но спорить с ним опасались.

Случались и совершенно диковинные дела. В разгар очередной уборки картошки на Брянщине выяснилось, что на заправках и базах кончилось горючее. Я отправил шифровку в Москву, просил помочь, но получил ответ, что сделать ничего нельзя, случилась авария на нефтеперегонном заводе, вот и возник дефицит солярки. Я просил дать горючего на уборку из Госрезерва, ведь он существовал, этот Госрезерв. Но такое решение на себя в Москве никто так и не взял, так ушла под снег часть брянского урожая. А мне и сейчас представляется, и, кстати, демократ Гавриил Попов в своей книге это подтверждает, что все эти дефициты возникли не случайно. Иначе как объяснить, что прежде все в стране было, а потом ничего не стало.

Чудес не бывает

Между прочим, в бытность мою в ЦК (где я работал с 81 по 89 годы) я ездил в рабочую командировку в Штаты и изучал, как поставлена работа у фермеров, потом принимал участие в подготовке тяжелейшего доклада о работе нашего сельского хозяйства. Ничего тогда не решили, да решить и не могли. Наша отрасль, конечно же, технологически выглядела отсталой и к тому же была тотально недофинансирована. Мы дотировали свой

аграрный сектор на 2-3 процента от ВВП, а американцы — на 15 процентов. Это были несоизмеримые деньги. И вот смотрите, кто сегодня в первую очередь добивается в России успехов в аграрном секторе — большие компании, у которых есть доступ к кредитам, технологиям, современному менеджменту. Только они и могут прокормить страну. А в конце 80-х в брянских районах финансов, удобрений, техники обычно хватало лишь на несколько хозяйств, хотя в каждом районе их было не менее двух десятков. На Брянщине я видел доярок, которые по десять лет не ходили в отпуск, потому что им было некому на это время оставить своих коров, да и большая часть работ на фермах осуществлялась вручную.

Так что в экономике чудес не бывает.

Помогать сильным

Чтобы быстрее войти в брянские дела, я выработал такой режим работы: дневное время отдавал плановым, текущим делам, зато по вечерам часто совершал поездки, особенно на предприятия непрерывного производственного цикла. О конкретных поездках обычно предупреждал за час–два, чтоб не устраивали показухи. И ездил не для того, чтобы устроить разнос, так сказать, прямо на производстве, а чтобы понять, чем можно помочь ведущим брянским предприятиям. Мое твердое убеждение: помогать надо сильным, кто умеет и главное — хочет работать лучше. Так и строил свою деятельность на посту председателя Брянского облисполкома. Помню, как встретил новый 1990 год в Бежице на сталзаводе. С рабочими из третьей ночной смены отметили его кружками с молоком. На БМЗ ездил несколько раз, и каждый следующий — в новое производство, — завод таков, что за один раз его не осмотреть и не понять. Мое восхищение административной хваткой, знанием дела до мелочей вызвал тогдашний генеральный директор Артур Чебриков, который, как помню, до директора дорос из простых рабочих. Своей самостоятельностью и независимостью суждений подкупала директор кондитерской фабрики Светлана Шишонкова. Титаном в своем деле был директор стародубского колхоза «Красный октябрь» Георгий Лобус, по большинству показателей в его хозяйстве работали не хуже, чем на моей родной Кубани.

Все эти встречи не только помогали понять состояние дел на предприятиях, но и давали возможность быстрее разобраться в узких местах. Ведь обычно после такой моей поездки на предприятие были другие — теперь вместе с директором в Москву, в отраслевое министерство, где мы предметно решали конкретные вопросы и практически всегда нам сопутствовала удача. К примеру, не помню, чтобы тогда в Москве нам в чем-то с Чебриковым отказали, хотя он и признавался, что работает на пределе, — уже по БМЗ было видно, как на глазах рушились десятками лет отлаженные технологические блоки, внутренние цепочки и экономические связи.

Раньше выстрела не падать

На работе я получил казенную дачу в Белых Берегах. В оппозиционной советской власти газете про эти обкомовские дачи всякую ерунду писали. А меж тем в моем дачном доме были такие кривые полы, покрытые линолеумом, что когда жена их мыла, просила меня посидеть, не ходить, чтобы я не убился. Окна в щелях, дуло страшно, старая казенная мебель и разномастная посуда, — на стол неудобно ставить. Это к вопросу «о роскоши», в какой мы, номенклатурщики, жили тогда. И вот на эту дачу я приезжал обычно ближе к ночи, потому что в привычку взял: пока все запланированное с утра не сделаю, с работы не уходить.

Я для себя по жизни выработал правило: раньше выстрела не падать. И в Брянске работал, выкладывался с полной отдачей. В 91 году меня перевели на работу в Верховный Совет РСФСР, назначили председателем комиссии по национальному и государственному устройству. Крушение нашего государства я там пережил, и пережил очень тяжело. Секретарем Президиума Верховного совета работал с новым составом избранных

депутатов. Очень горячее было время, жена постельное белье в Белый дом привезла, я часто и спал там, в рабочем кабинете. И так происходило до осени 1993 года, до расстрела Белого Дома. Тогда я и ушел, работал потом в «Мострансгазе».

Я не для себя работал, я работал для народа, — так скажу, и это не просто слова. А вспоминая сегодня Брянщину, она, как в старой песне, стала берегом, с которого я унес свой заветный камень: любовь к людям труда, любовь к России.

Записал Юрий Фаев

Журнал «ТОЧКА. Брянск»